

Левые изоляционисты и эмбарго США на поставки оружия в период Гражданской войны в Испании (1936–1939)¹ The isolationist left and the US arms embargo in the Spanish Civil War (1936- 1939)

Эспаса де ла Фуэнте, Андреу

Автономный университет Барселоны

Espasa de la Fuente, Andreu

Autonomous University of Barcelona

Andreu.Espasa@uab.cat

ORCID ID 0000-0001-8338-5070

Аннотация: В статье представлен анализ роли американских левых изоляционистов в контексте эмбарго на поставки оружия в Испанию, введенного Вашингтоном в годы гражданской войны в Испании 1936-1939, на примере двух наиболее известных представителей этого движения: сенатора Джеральда П. Ная и лидера Социалистической партии Америки (СПА) Нормана Томаса. Эмбарго на поставки

¹ Исследование выполнено в рамках проекта TRANSFRONT «Стратегия Народного фронта в транснациональной перспективе: коммунисты и контрреволюционеры перед лицом Народного фронта в Испании, 1934–1939 гг.» (PID2023-153103NB-I00), финансируемого Министерством науки, инноваций и университетов Испании (TRANSFRONT Project: The Popular Front Strategy in Transnational Perspective: Communists and Counter-revolutionaries Facing the Popular Front in Spain, 1934–1939 (PID2023-153103NB-I00), funded by the Spanish Ministry of Science, Innovation, and Universities).

оружия демократически избранному и признанному на международном уровне правительству Испанской Республики, которое вело борьбу с военным мятежом, поддерживаемым европейскими режимами фашистского толка, поставило перед прогрессивными крыльями изоляционистского и пацифистского движений США сложные дилеммы. Несмотря на симпатии к испанским антифашистам, медлительность, с которой прогрессивные изоляционисты пытались разрешить возникшие противоречия, в сочетании с их относительной слабостью в рамках американской политической системы, способствовали сохранению эмбарго на протяжении всего конфликта.

Ключевые слова: гражданская война в Испании, интербригады, Батальон им. Линкольна, Британский батальон, Батальон Маккензи-Папино, Историческая комиссия, историческая память, военная история.

Abstract: This article analyzes the role of the American isolationist left regarding the arms embargo imposed by Washington on Spain during the war (1936-1939), focusing on two of its most prominent figures: Senator Gerald P. Nye and the leader of the Socialist Party of America, Norman Thomas. The arms embargo against a democratically elected and internationally recognized government—which was fighting a military insurrection supported by the major European fascist powers—posed serious dilemmas for the progressive sectors of the isolationist and pacifist movements. Despite their sympathies for the Spanish anti-fascists, the slowness with which progressive isolationists addressed their contradictions, coupled with their relative weakness within the American political system, contributed to the embargo remaining in place throughout the conflict.

Keywords: Spanish Civil War, Franklin Delano Roosevelt, isolationism, embargo, Gerald P. Nye, Norman Thomas.

DOI: 10.32608/2305-8773-2026-51-1-118-140

Дата принятия к публикации: 27.08.2026

Дата получения: 09.07.2026

Ссылка для цитирования / Cite:

Эспаса де ла Фуэнте А. Левые изоляционисты и эмбарго США на поставки оружия в период гражданской войны в Испании (1936–1939) // Латиноамериканский исторический альманах. 2026. № 51. С. 118-140. DOI: 10.32608/2305-8773-2026-51-1-118-140

Espasa de la Fuente A. The isolationist left and the US arms embargo in the Spanish Civil War (1936-1939) // Latin American Historical Almanakh, 2026. № 51. P. 118-140. DOI: 10.32608/2305-8773-2026-51-1-118-140

27 января 1939 г., на следующий день после падения Барселоны под натиском франкистских войск, президент США Ф. Рузвельт охарактеризовал политику своего правительства в отношении гражданской войны в Испании (1936–1939) как «большую ошибку». Тем самым Рузвельт признавал, что эмбарго на поставки оружия Испании способствовало печальному исходу конфликта - установлению в Европе новой фашистской диктатуры, союзницы Гитлера и Муссолини, в условиях нараставшей напряженности на континенте и приближения новой войны. Среди факторов, способствовавших введению Вашингтоном эмбарго на поставки оружия демократическому и признанному на международном уровне правительству Испанской Республики, следует выделить подчинение американской дипломатии директивам британского МИД, а также необходимость сохранять поддержку католического электората как части коалиции «Нового курса».²

Другим немаловажным фактором была популярность изоляционизма в межвоенный период - то есть стремление держать Соединенные Штаты в стороне от европейских военных конфликтов и, как следствие, поддержка законов о нейтралитете, обязывавших президента вводить эмбарго на поставки оружия воюющим странам. Настоящая статья посвящена одному из конкретных аспектов этого фактора - неоднозначной роли лево-

² Taylor, 1956. P. 174.

го изоляционизма в вопросе эмбарго на поставки оружия Испании, находившейся в состоянии войны, а также его эволюции на протяжении конфликта. Особое внимание уделяется двум ключевым фигурам прогрессивного изоляционизма: сенатору от Северной Дакоты Джеральду П. Наю и лидеру социалистов Норману Томасу.

После работы редактором небольших местных газет — *The Pioneer* в Фрайбурге и *Sentinel Courier* округа Григгс (Северная Дакота) — Джеральд П. Най в 1925 г. вошел в состав Сената и оставался сенатором на протяжении двадцати лет. Постепенно его интересы сместились от аграрной реформы к поиску способов не допустить участия Соединенных Штатов в следующем крупном военном конфликте. К середине 1930-х гг. он уже проявил себя как выдающийся специалист по парламентским расследованиям, а общественное мнение воспринимало его как одного из наиболее заметных сторонников изоляционистских взглядов в Сенате.³ За пределами Капитолия другой крупной фигурой левого изоляционизма того времени был Норман Томас, кандидат от Социалистической партии на пост президента на шести выборах в период с 1928 по 1948 г. Прежде чем стать лидером рабочего движения, Томас служил протестантским пастором, однако отказался от духовного сана из-за участия большинства религиозных общин в поддержке военных усилий США во время Первой мировой войны. Его неоднократные поражения на выборах не отражали в полной мере степень его влияния на американскую политику в период Великой депрессии. Несомненно, число его последователей и почитателей значительно превышало число избирателей, голосовавших за него. Статьи и выступления Томаса по радио находили отклик у миллионов американцев, а статус «уважаемого бунтаря» обеспечил ему постоянный доступ в Белый дом. Этим он пользовался, пытаясь убедить президента Рузвельта в необходимости проводить внешнюю политику, более благоприятную для испанских антифашистов.⁴ Позиции и противоречия Нормана Томаса и

³ Gerald Prentice Nye, 1941. P. 618-621.

⁴ Seidler, 1961.

Джеральда П. Ная в отношении испанского вектора политики администрации Рузвельта позволяют лучше понять роль прогрессивного изоляционизма в межвоенном европейском кризисе, а также дилеммы и эволюцию американской дипломатии в эти решающие годы.

Популярность межвоенного изоляционизма уходит корнями в период, непосредственно последовавший за окончанием Первой мировой войны. Президентские выборы 1920 г., на которых молодой Франклин Делано Рузвельт баллотировался от Демократической партии на пост вице-президента, рассматривались как плебисцит по вопросу вступления Соединенных Штатов в Лигу Наций. Победа республиканцев и их политическая гегемония на протяжении 1920-х гг. способствовали укреплению националистического консенсуса в пользу внешней политики одностороннего характера. Начало Великой депрессии после биржевого краха 1929 г. еще больше усилило общее безразличие к европейской политике. Когда Рузвельт вступил в должность президента зимой 1933 г., он уже отказался от прежних интернационалистских устремлений, осознавая, что большинство населения было прежде всего заинтересовано в быстрых решениях внутренних экономических проблем. К середине десятилетия изоляционизм получил дополнительный импульс благодаря деятельности специального комитета Конгресса, занимавшегося расследованием роли военной промышленности во внешней политике администрации Вильсона и возглавлявшегося сенатором Джеральдом П. Наем. Выводы так называемого комитета Ная способствовали распространению представления о том, что Соединенные Штаты вступили в Первую мировую войну в результате махинаций оружейной промышленности и финансового сектора, которым содействовала эффективная деятельность британских пропагандистов. Деятельность комитета Ная имела и законодательные последствия. В 1935 г. был принят первый Закон о нейтралитете, обязывавший президента вводить эмбарго на поставки оружия в случае военного конфликта без различия между агрессором и жертвой агрессии,

что противоречило сформировавшимся в рамках Лиги Наций принципам международного права.⁵

Американское изоляционистское движение пользовалось популярностью по целому ряду причин. Во-первых, оно подпитывалось глубоким разочарованием в отношении основных обещаний администрации Вильсона, которыми обосновывалось участие США в Первой мировой войне: продвижения демократии — согласно знаменитому лозунгу «сделать мир безопасным для демократии» (*a world safe for democracy*) — и окончательного искоренения военных конфликтов, в соответствии с не менее известным лозунгом «война, которая положит конец всем войнам» (*a war to end all wars*). Двадцать лет спустя число демократических режимов на европейском и американском континентах стремительно сокращалось, тогда как угроза нового военного конфликта мирового масштаба год от года возрастала. Во-вторых, устойчивое представление о том, что Соединенные Штаты надежно защищены двумя океанами и отсутствием сильных соперников на американском континенте, укрепляло аргументы в пользу невмешательства в европейские конфликты. Наконец, изоляционистское движение отличалось значительной идеологической широтой: от консервативных республиканцев, таких как бывший президент Герберт Гувер, до лидеров прогрессивного движения, например, сенатора Роберта М. Лафоллета-младшего. И консервативные, и прогрессивные изоляционисты сходились в полном неприятии Четырнадцати пунктов Вильсона и отвергали идею «войны за демократию» как политический оксюморон. По их утверждению, первым следствием вступления в войну стала бы именно утрата гражданских свобод и установление тоталитарного правительства, необходимого для подавления широких слоев населения, выступавших против военной мобилизации.⁶ В любом случае в 1936 г., когда началась война в Испании, изоляционистские идеи полностью господствовали в американском общественном мнении. В ноябре 1936 г. 95% опрошенных отрицательно отве-

⁵ Espasa, 2017. Pp. 26-31; Dallek, 1979. Pp. 101-121.

⁶ Thomas, Wolfe, 1939. Pp. 27-31.

тили на вопрос: «Если в Европе начнется еще одна война, подобная мировой, должны ли Соединенные Штаты вновь принять в ней участие?»⁷

От морального к юридическому эмбарго

С началом военного мятежа в Испании в июле 1936 г. правительство Республики начало искать за рубежом вооружение для борьбы с ним. Почти сразу правительства Франции и Великобритании закрыли свои рынки вооружений и обязались не поставлять оружие ни одной из сторон, тем самым уравнив их.⁸ Одновременно, столкнувшись с запросами республиканского правительства на закупку вооружений, Вашингтон столкнулся с первым препятствием: случаи гражданской войны не были предусмотрены законодательством о нейтралитете и, следовательно, не существовало никаких юридических оснований препятствовать торговым операциям между американскими частными компаниями оружейной промышленности и демократическим правительством Испании.⁹ Несмотря на это, американская дипломатия прекрасно понимала, что стране не следует превращаться в лазейку, которая свела бы на нет политику ее европейских союзников и которая вскоре получила институциональное оформление в знаменитом Пакте о невмешательстве, к которому присоединилось подавляющее большинство европейских правительств. Поэтому 10 августа 1936 г. администрация Рузвельта ввела так называемое «моральное эмбарго». Не имея никакой юридической основы, оно представляло собой лишь правительственную рекомендацию, адресованную производителям и торговцам вооружений. Посыл был прост: следовало воздерживаться от продажи оружия сторонам, участвовавшим в конфликте в Испании.¹⁰ Поначалу правительство рас-

⁷ Gallup, Robinson, 1938. P. 388.

⁸ Moradiellos, 2001. P. 77-88.

⁹ Little, 1983. P. 389.

¹⁰ Memorandum de Charles W. Yost, Washington DC, 10 de agosto de 1936, 711.00111 Lic. Martin Company, Glenn L./2, Foreign Relations of

считывало на эффективность этой меры. Во-первых, этому способствовали тесные отношения между частной оружейной промышленностью и правительством — ее главным заказчиком. В 1930-е гг. оружейная промышленность находилась в центре ожесточенных дискуссий из-за предполагаемой ответственности за участие США в Первой мировой войне, и с трибун Конгресса не раз звучали требования о национализации этой отрасли.¹¹

Кроме того, моральное эмбарго пользовалось широким политическим консенсусом. Наиболее пробританские круги Государственного департамента поддерживали его, поскольку оно полностью соответствовало политике Лондона в отношении испанского конфликта и заявленной цели ограничить войну исключительно территорией Испании. В свою очередь, большинство изоляционистов также положительно относились к усилению политики эмбарго на поставки оружия как к превентивной мере, призванной избежать опасности возможного вовлечения США в европейский конфликт. Влияние изоляционизма прогрессивного толка было настолько велико, что в публичном пространстве Рузвельт использовал его аргументы для обоснования морального эмбарго. 14 августа 1936 г. в речи, произнесенной в Шатокуа (штат Нью-Йорк), он предостерег от опасности расширения военной промышленности и торговли оружием как средства борьбы с массовой безработицей.¹² Антивоенный тон речи в Шатокуа объяснялся не только популярностью изоляционизма. Имела место и организованная кампания давления. В тот же день президент получил телеграмму, подписанную де-

the United States (en adelante, FRUS), 1936, vol. II, 474-475; William Phillips a Glenn L. Martin Company, Washington DC, 10 de agosto de 1936, 711.00111 Lic. Martin Company, Glenn L./5, FRUS, 1936, vol. II, pp. 475-476.

¹¹ Scroggs W.O. The American and British Munitions Investigations // Foreign Affairs, Vol. 15, No. 2 (enero de 1937). P. 324.

¹² Speech by Roosevelt // Chautauqua, Nueva York, 14 de agosto de 1936, [RL Recordings], Franklin Delano Roosevelt and Foreign Affairs (en adelante, FDR and FA), vol. III, p. 382.

сятью конгрессменами, среди которых были сенатор Най и пацифист Луис Ладлоу, член Палаты представителей. В телеграмме содержалась просьба к правительству взять на себя обязательство не допускать отправки оружия в Испанию, а президенту — объявить об этом решении в речи, которую он планировал произнести тем же вечером.¹³ Вскоре государственный секретарь Корделл Халл прямо связал отказ от торговли оружием с Испанией с решением продвигать моральное эмбарго против Испании,¹⁴ хотя в частной беседе с лидером социалистов Норманом Томасом сам Халл тонко намекнул на следование позиции Лондона и Парижа как на одну из основных причин введения эмбарго.¹⁵

Консенсус относительно морального эмбарго укреплялся в первые месяцы конфликта. Сообщения о зверствах, совершенных против представителей духовенства на территории республиканской зоны, оказали сильное воздействие на средства массовой информации и способствовали формированию представления о конфликте как о войне между экстремистами. Когда в январе 1937 г. Хосе Кампруби, пуэрториканец каталонского происхождения и друг Рузвельта с юности, попросил президента возглавить панамериканскую инициативу по посредничеству с целью положить конец испанскому конфликту, ответ Рузвельта отразил точку зрения, разделявшуюся широкими слоями американского общества: «Я не фашист, но и не коммунист».¹⁶

Вместе с тем по мере развития войны становилось все очевиднее, что Пакт о невмешательстве не обеспечивал равного воздействия на противоборствующие стороны. В то время как Республика не имела доступа к международному рынку вооружений, мятежники получали значительные объемы военной помощи от фашистской Италии и нацистской Германии, откры-

¹³ Jonas, 1966 P. 185.

¹⁴ Hull, 1936. P. 9.

¹⁵ Thomas N. Autobiography (unpublished) // Norman Thomas Papers, Manuscripts and Archives Division, The New York Public Library. P. 183.

¹⁶ José Camprubí a Franklin Delano Roosevelt, Nueva York, 30 de enero de 1937, PPF4363: TS, FDR and FA, vol. IV, pp. 45-46.

то нарушавших подписанный ими пакт. В ответ на это в октябре 1936 г. правительство Советского Союза одобрило первые партии военных поставок Республике. В США эмбарго против Испании не стало предметом обсуждения на президентских выборах в ноябре 1936 г., однако вскоре события вынудили открыто заняться этим вопросом. В конце декабря 1936 г. стало известно, что испанскому республиканскому правительству удалось обойти моральное эмбарго и оно готовилось загрузить американским оружием торговое судно *Mar Cantábrico*. После этого администрация Рузвельта выпустила законодательную инициативу с целью юридически закрепить эмбарго, приняв специальный закон в отношении Испании. Процесс был ускорен стремлением не допустить выхода испанского судна из нью-йоркского порта с закупленным вооружением, что привело к своеобразной гонке между законодателями и экипажем. В ходе обсуждения в Сенате Джеральд П. Най высоко оценил позицию американской оружейной промышленности во время действия морального эмбарго и отметил, что оно было нарушено лишь одним «торговцем металлоломом», намеревавшимся продать подержанное вооружение без согласия правительства. Хотя Най поддержал предложение о введении юридического эмбарго, он также воспользовался этой возможностью для критики односторонности внешней политики администрации Рузвельта: годом ранее США отказались изменить законодательство о нейтралитете, чтобы не препятствовать потребностям Италии в импорте нефти в ходе ее агрессии против Эфиопии, тогда как теперь принимался новый закон, который способствовал интересам генерала Франко. После единогласной поддержки сенаторов обсуждение перешло в Палату представителей. Там конгрессмен-фронтвик от Миннесоты Джон Т. Бернард — единственный член обеих палат Конгресса, проголосовавший против легализации эмбарго на поставки оружия, — сумел настолько затянуть обсуждение, что испанское судно с американским оружием смогло выйти в направлении республиканской Испании.¹⁷

¹⁷ Stuhler, 1972. Pp. 82-92; Rush by Congress Fails to Stop Ship With

Несмотря на эту пиррову победу, положение испанского республиканского правительства едва ли можно было назвать более неблагоприятным: с января 1937 г. эмбарго превратилось из морального в юридическое. Кроме того, груз *Mar Cantábrico* был захвачен франкистами в марте того же года, еще до достижения пункта назначения. 29 декабря 1936 г., узнав о планах администрации Рузвельта юридически закрепить эмбарго, лидер социалистов Норман Томас написал президенту, выражая свое несогласие и указывая на прецедент, который мог оказаться полезным: во время гражданских войн в странах Латинской Америки Вашингтон продавал оружие правительству, одновременно отказывая в нем мятежникам.¹⁸ Однако в тот момент аргументы Томаса оставались весьма маргинальными. Для Испанской Республики наиболее тревожным аспектом этого эпизода было именно следующее: голосование по вопросу легализации эмбарго на поставки оружия Испании вызвало практически единодушный консенсус в Сенате и Палате представителей. Все изоляционисты в Конгрессе, включая наиболее прогрессивных, проголосовали за закрытие рынка вооружений для Испании. Реакции противоборствующих сторон были весьма показательны. В то время как посол Испании в Вашингтоне Фернандо де лос Риос передал недовольство республиканского правительства, генерал Франсиско Франко, лидер военного мятежа, похвалил якобы «рыцарское» поведение американского президента.¹⁹

От кампании за расширение эмбарго к попыткам его отмены

Arms Cargo // *The New York Times*, 7 de enero de 1937. Pp. 1, 11; U.S. Congress, *Congressional Record*, 75th Congress, First session, volumen LXXXI, pt. 1, 6 de enero de 1937. Pp. 76-79.

¹⁸ Norman Thomas a Franklin Delano Roosevelt, 29 de diciembre de 1936. Norman Thomas Papers, Manuscripts and Archives Division, The New York Public Library.

¹⁹ *New York American*, 1 de febrero de 1937. Taylor, 1956. Pp. 81-82; Memorandum de Cordell Hull, Washington DC, 27 de enero de 1937, 852.00/4516, FRUS, 1937, volumen I. P. 233.

Всего через несколько месяцев после юридического закрепления эмбарго на поставки оружия развитие событий в Испании начало способствовать укреплению позиций Республики в США. Во-первых, существенно изменилось восприятие военных преступлений. Если в первые месяцы сообщения из Испании были в значительной степени сосредоточены на религиозных преследованиях в республиканской зоне, то весной 1937 г. все большее внимание стали привлекать бомбардировки фашистской авиацией гражданского населения, особенно после международного резонанса, вызванного бомбардировкой Герники в апреле 1937 г. Позиции Республики также укрепились среди прогрессивных либералов и высокопоставленных чиновников администрации Рузвельта, когда стало очевидно, что революционные импульсы лета 1936 г. постепенно ослабевают; также выяснилось, что антифашистские вооруженные силы повысили свою боеспособность благодаря последовательному укреплению воинской дисциплины.²⁰ Наконец, весной 1937 г. накапливались свидетельства неравномерного соблюдения политики невмешательства в испанский конфликт. В то время как Республика, за исключением поставок советского вооружения и поддержки со стороны добровольцев Интернациональных бригад, практически оказалась за пределами международного сообщества, мятежники продолжали получать значительную помощь от Италии Муссолини и Германии Гитлера в виде оружия, боеприпасов, пехотных подразделений и военной авиации. Нацистская военно-морская бомбардировка Альмерии 31 мая, публично признанная самим германским правительством актом возмездия за произошедший ранее инцидент, разрушила удобную картинку, позволявшую правительствам крупных демокра-

²⁰ Walter C. Thurston a Cordell Hull, Valencia, 18 de mayo de 1937, 852.00/5465: Telegrama, FRUS, 1937, volumen I. P. 298; Claude Bowers a Cordell Hull, San Juan de Luz, 18 de mayo de 1937, 852.00/5364: Telegrama, FRUS, 1937, vol. I, p. 299; Charles A. Thompson, Tide Turns in Spanish War // Foreign Policy Bulletin, volumen XVI nº 25, 16 de abril de 1937. P. 1-2.

тических держав делать вид, будто у них нет доказательств участия фашистских держав в испанском конфликте.²¹

Именно в этот период Джеральд П. Най, осознав, что американское эмбарго на поставки оружия играет на руку франкистской стороне и в значительной степени обусловлено стремлением Госдепартамента согласовать дипломатическую линию Вашингтона с политикой Лондона, изменил свою позицию и отказался от пассивной поддержки испанской политики администрации Рузвельта. С этого момента Най потребовал того, что казалось простым и вполне разумным: применять действующий Закон о нейтралитете и, следовательно, распространить эмбарго на поставки оружия на Рим и Берлин в связи с их вмешательством в испанский конфликт.²² Таким образом, сенатор-изоляционист возглавил в институциональном плане главную на тот момент политическую кампанию сторонников Испанской Республики в США. В свою очередь, Норман Томас, вернувшись из поездки по республиканской Испании, встретился в Белом доме с президентом Рузвельтом, чтобы передать ему свидетельства участия Италии и Германии в испанском конфликте и призвать его действовать соответствующим образом, распространив эмбарго на правительства государств-агрессоров. Рузвельт ответил уклончиво, преуменьшая масштабы торговли оружием между Вашингтоном и фашистскими державами и намекая, что не может позволить себе вступать в конфликт с католическими избирателями крупных городов Севера. Инициатива по распространению эмбарго на Германию и Италию потерпела неудачу. Государственный секретарь Корделл Халл противостоял этой кампании, постоянно указывая на формально-юридический нюанс: Вашингтон не мог констатировать состояние войны между Испанией и фашистскими державами, поскольку даже испанское правительство не сделало такого шага. Весной 1937 г. Белый дом и Госдепартамент договорились сохранить эмбарго исключительно в отношении Ис-

²¹ Bosch, 2012. P. 162.

²² Olson S. Nye Demands Spanish "Allies" Arms Embargo // The Washington Post, 26 de marzo de 1937. P. 1.

пани и отказались распространять его на Италию и Германию, опасаясь, что эта мера может быть воспринята как враждебный акт и еще больше обострит и без того напряженную геополитическую ситуацию.²³

Однако развитие международной ситуации во второй половине 1937 г. продолжало давать новые надежды американскому движению солидарности с испанской демократией. Нарастающая агрессивность фашистских держав могла в конечном итоге вынудить крупные демократические государства ответить на нее. В июле инцидент на мосту Марко Поло ознаменовал начало Второй китайско-японской войны. Осенью Италия присоединилась к Антикоминтерновскому пакту, заключенному годом ранее Германией и Японией. В октябре Рузвельт произнес в Чикаго — оплоте американского изоляционизма — свою знаменитую речь о необходимости «определить на карантин» государства-агрессоры, хотя перед лицом волны негативных реакций со стороны лидеров изоляционистского движения сам президент поспешил преуменьшить практические последствия своих слов.²⁴ В Латинской Америке государственный переворот, осуществленный Жетулиу Варгасом в ноябре 1937 г., и провозглашение бразильской версии режима «Нового государства» в Португалии вызвали тревогу у американской дипломатии в связи с угрозой проникновения фашизма на американский континент.²⁵

Для Вашингтона главной проблемой «бразильского дела» было не установление нового политического режима антидемократической направленности, а возможность того, что бразильское правительство в конечном итоге сформирует союз с Римом и Берлином. Эта обеспокоенность также повлияла на восприятие американской дипломатией испанского военного конфлик-

²³ Norman Thomas a Franklin D. Roosevelt, Nueva York, 9 de junio de 1937, PPF4840: TS, FDR and FA, volumen V. P. 349; Tierney, 2007. P. 70; Hull, 1948. Pp. 510-513.

²⁴ William, 1963. Pp. 226-227.

²⁵ Thompson Ch.A.. Has Brazil Gone Fascist? // Foreign Policy Bulletin, volumen XVII, nº 4, 19 de noviembre de 1937. P. 2.

та. С этого момента Испания перестала рассматриваться исключительно как европейская проблема, и все большее внимание стало уделяться ее американскому измерению. Военное поражение республиканцев могло иметь крайне негативные последствия для интересов США, поскольку новая фашистская Испания могла попытаться сыграть роль связующего звена между Гитлером и его экспансионистскими планами в отношении бывших испанских колоний. Помимо реальной угрозы, испанский случай оказался весьма полезным в политико-просветительском отношении для Рузвельта в его попытках склонить общественное мнение к более жесткой позиции в отношении нацистской Германии. Сообщения о нацистах, планирующих военное вмешательство в испаноязычные страны, и о необходимости противостоять таким планам соответствовали господствовавшему в тот момент изоляционистскому консенсусу, согласно которому стремление держаться в стороне от европейских конфликтов вполне сочеталось с представлением об американском континенте как о приоритетной и естественной сфере интересов внешней политики США. К концу 1930-х гг. большинство американцев было готово рассматривать любую попытку свержения правительства латиноамериканской страны с целью установления режима, союзного Берлину, Бургосу и Риму, как враждебный по отношению к США акт, который при необходимости следовало пресекать прямым военным вмешательством.²⁶

Отчасти в результате тревоги, вызванной проникновением фашизма в Латинскую Америку, к весне 1938 г. администрация Рузвельта окончательно отказалась от первоначального безразличия к исходу конфликта в Испании и предприняла ряд значимых шагов в поддержку поражения франкистских сил. Министерство финансов, возглавляемое Генри Моргентау, одним из наиболее последовательных антифашистов в кабинете Рузвельта, приступило к программе закупки испанского серебра, которая на практике означала оказание помощи в финансировании республиканцев. В апреле 1938 г. из Испании в США было

²⁶ Haglund, 1984; Espasa, 2018. Pp. 774-791.

доставлено 47 тонн серебра.²⁷ В том же месяце Рузвельт обосновал программу военно-морского перевооружения необходимостью предотвратить «мексиканскую гражданскую войну» по испанскому сценарию.²⁸

В свою очередь, лидер изоляционистов Джеральд П. Най пришел к выводу, что эмбарго в отношении Испании необходимо отменить по двум причинам. Во-первых, поскольку результаты действия эмбарго пошли на пользу франкистской стороне и, следовательно, не обеспечили подлинного нейтралитета со стороны США. Кроме того, американское эмбарго основывалось на некритическом следовании политике Лондона. В условиях открывшегося политического пространства, когда администрация Рузвельта всерьез рассматривала возможность существенного изменения своей политики в отношении Испании, а большая часть американского общественного мнения симпатизировала республиканцам, 2 мая 1938 г. Най внес в Сенат резолюцию об отмене эмбарго на поставки оружия Испании, сохранив лишь некоторые незначительные ограничения, связанные с перевозкой оружия на судах, не принадлежащих США, а также с требованием производить оплату наличными. Три дня спустя на первой полосе *The New York Times* было объявлено, что администрация Рузвельта поддерживает инициативу Найа, и выражена уверенность в ее скором принятии.²⁹ Это был момент наибольших надежд для сторонников Испанской Республики в США. Если бы это решение было принято, поступление американского вооружения в республиканскую зону могло бы изменить соотношение сил в конфликте и, возможно, предотвратить полный крах Республики. Однако знаменитая первая полоса *The New York Times* в итоге оказалась лишь ил-

²⁷ Whealey, 1977. Pp. 139.

²⁸ A Special Press Conference with Members of the Associated Church Press, Washington DC, 20 de abril de 1938 // *Public Papers and Addresses of Franklin Delano Roosevelt*, volumen 1938 (*The Continuing Struggle for Liberalism*). Pp. 255-256.

²⁹ Roosevelt Backs Lifting Arms Embargo on Spain; Congress Agrees It Fails // *The New York Times*, 5 de mayo de 1938. Pp. 1, 15.

люзией. Резолюция Ная не прошла. Причин было несколько. Среди них следует отметить умиротворяющий эффект так называемого англо-итальянского соглашения от апреля 1938 г., пессимизм относительно и без того невысоких шансов республиканской стороны на военный успех, а также сохранявшийся страх перед реакцией католического электората.³⁰

Однако существовал и другой весьма важный фактор, которому не всегда уделялось заслуженное внимание: ограничения и противоречия прогрессивного изоляционизма. Тот факт, что инициативу по отмене эмбарго возглавил Джеральд П. Най, мог отчасти заслонить эту проблему. Несомненно, сенатор от Северной Дакоты демонстрировал значительную политическую смелость. В конце концов, Най, который приобрел известность и популярность как главный критик оружейной промышленности и убежденный сторонник безоговорочного введения эмбарго в отношении зон конфликта, теперь требовал возобновить торговлю оружием с Испанией. Поступая таким образом, лидер изоляционистов против собственной воли будто приближался к идеям коллективной безопасности, тогда как администрация Рузвельта продолжала парировать аргументами, характерными для политики изоляционизма.³¹ В определенной степени противоречия Ная имели параллели с позицией лидера социалистов Нормана Томаса. Столкнувшись с испанским конфликтом, Томас отказался от своего абстрактного и непримиримого пацифизма и в конечном итоге стал утверждать, что остановить фашизм в Испании и сдержать его экспансионистские устремления, тем самым предотвратив новую мировую войну, возможно только с помощью оружия. Томас дошел до того, что поддерживал проект создания колонны им. Юджина Дебса, которую предполагалось сформировать из активистов Социалистической партии Америки и направить добровольцев для борьбы с фа-

³⁰ Ickes, 1954. Pp. 389-390; W.T. Stone. "Behind the Spanish Embargo" // Foreign Policy Bulletin, volumen XVII, n° 30, 20 de mayo de 1938. P. 3.

³¹ Cole, 1962. P. 114.

шизмом в Испании. Это вызвало резкую критику и внутренние упреки со стороны наиболее пацифистской части партии.³²

Однако для администрации Рузвельта противоречия лидеров левого изоляционизма вызывали скорее недоверие, чем восхищение. В конце концов, было очевидно, что цели прогрессивного изоляционизма лишь в ограниченной степени совпадали с интересами американской дипломатии. В краткосрочной перспективе их позиции могли совпадать в вопросе эмбарго на поставки оружия Испании, однако по более Весной 1938 г. администрация Рузвельта делала ставку на программу превентивного перевооружения, предусматривавшую увеличение численности армии и ее модернизацию с учетом военного опыта, полученного в Эфиопии, Испании и Восточной Азии.³³ Планы увеличения бюджета военно-морского флота поддерживали некоторые консервативные изоляционисты, например католический сенатор от Массачусетса ирландского происхождения Дэвид И. Уолш, непримиримый противник Испанской Республики. Сенатор Най, напротив, выступал против этих планов и предупреждал, что для финансирования строительства новых военных кораблей придется сократить средства, предназначенные для социальной помощи.³⁴ Одновременно в марте 1938 г. прогрессивные изоляционисты создали антивоенную организацию *Keep America Out of War Congress* (КАОУС), целью которой было не допустить вступления США в войну на фоне приближавшегося конфликта с гитлеровской Германией. Возглавляемая Социалистической партией Нормана Томаса, КАОУС заручилась поддержкой и участием таких влиятельных политических деятелей, как сенаторы Роберт М. Лафоллет-младший и Джеральд П. Най. В отличие от консервативных изоляциони-

³² John Haynes Holmes a Norman Thomas, 28 de diciembre de 1936. Norman Thomas Papers, Manuscripts and Archives Division, The New York Public Library.

³³ Baldwin H.W. *America Rearms* // *Foreign Affairs*, volumen XVI, número 3, abril de 1938. Pp. 430-444.

³⁴ Walsh, Nye debate need for Big Navy // *The New York Times*, 17 de enero de 1938. P. 7.

стов из America First Committee, KAOWC выступала как против программы перевооружения, так и против призыва на военную службу в мирное время.³⁵ То есть, проблема прогрессивных изоляционистов заключалась не только в вопросе сроков — они начали требовать отмены эмбарго слишком поздно, в начале 1938 г., когда стало очевидно, что администрация Рузвельта готова рассмотреть такую возможность, — но и была связана с более насущными политическими вопросами. Они выражали готовность помочь испанской демократии в ее борьбе с фашизмом, но также хотели избежать риска быть вовлеченными в новую мировую войну, даже если бы она преподносилась как идеологический крестовый поход против нацистской экспансии. По мере того как надвигающееся начало новой мировой войны все сильнее определяло дискуссии о внешней политике, возможности для прочного союза между администрацией Рузвельта и конгрессменами-изоляционистами неизбежно сокращались.

В январе 1939 г. в США все еще велись дебаты о целесообразности отмены эмбарго на поставки оружия Испании, однако отчаянное военное положение республиканцев не позволило в последний момент изменить испанский вектор политики администрации Рузвельта. На протяжении всего конфликта дискуссия об эмбарго на поставки оружия Испании ставила перед многими сторонниками Испанской Республики противоречивые и неудобные вопросы. Выводы, сделанные из опыта испанского конфликта, были различными. Для некоторых, особенно среди либералов, участвовавших в организациях, связанных с Народным фронтом, главный урок испанского конфликта был очевиден: новый характер фашистской угрозы требовал окончательно отказаться как от пацифизма, так и от изоляционизма. Для таких лидеров прогрессивного изоляционизма, как Джеральд П. Най и Норман Томас, напротив, испанский опыт представлял собой лишь краткий эпизод активной помощи одной из сторон конфликта и одновременно подтверждал один из осно-

³⁵ Doenecke, 1977. Pp. 221-236.

вополагающих принципов внешней политики, которого они бессменно придерживались, — недоверие к внешней политике Лондона. По мнению Томаса, даже деятельность такого признанного противника политики умиротворения среди британской элиты, как Черчилль, ясно показывала, что Британской империи не было никакого дела до судьбы другой демократии — Испании, не говоря уже о праве Индии на самоопределение.³⁶ 17 апреля 1939 г., всего через несколько недель после официального окончания войны в Испании, Норман Томас заявил перед комиссией Палаты представителей, что испанский опыт не доказал предполагаемую несостоятельность американского законодательства о нейтралитете. Единственное, что можно было утверждать с уверенностью, заключалось в том, что такое законодательство не нашло применения: в отношении правительства Республики было введено не соответствующее принципу нейтралитета эмбарго, не предусмотренное первым Законом о нейтралитете, тогда как власти отказались соблюдать законодательство и распространить эмбарго на Германию и Италию. В октябре 1939 г. сенатор-изоляционист Роберт М. Лафоллет-младший на примере Испании осудил подчинение администрации Рузвельта воле правительств Франции и Великобритании, а также полное безразличие обоих правительств к делу демократии. Для левых изоляционистов фундаментальная проблема заключалась в том, что и Франция, и Великобритания представляли собой демократические империи, чья внешняя политика систематически ставила защиту колониальных интересов выше любых принципов демократической солидарности. Несмотря на то, что Вашингтон, Лондон и Париж представляли одну и ту же политическую систему, эта идеологическая близость не означала военную поддержку со стороны США в вопросе защиты целостности европейских империй.³⁷

В конце гражданской войны в Испании видные представители администрации Рузвельта, включая самого президента, сожалели об эмбарго против Испании, называя его серьезной

³⁶ Swanberg, 1976. Pp. 246-247.

³⁷ Herring, 1938. P. 117-118.

ошибкой с трагическими последствиями. Действительно, вклад Рузвельта в победу франкистов остался одним из самых мрачных пятен его политического наследия. Вместе с тем важно отметить, что такая политическая близорукость не являлась исключительно проблемой президентской камарильи. На протяжении значительной части конфликта эмбарго против Испании пользовалось поддержкой американского прогрессивного изоляционизма. Из-за инерции и приверженности эмбарго на поставки оружия как инструменту поддержания мира изоляционисты (особенно их лидеры в Конгрессе) слишком долго не решились выступить против эмбарго на поставки оружия Испании. Кроме того, их общее видение внешней политики также снижало их привлекательность в качестве надежного союзника в международной борьбе с фашизмом. С конца 1930-х гг. они выступали против программы перевооружения, а после начала Второй мировой войны также заняли позицию против ряда мер администрации Рузвельта, направленных на оказание помощи союзникам в их борьбе с Гитлером. Неспособность добиться отмены эмбарго на поставки оружия Испании стала первой политической неудачей широкого общественного движения, которое, достигнув огромной популярности в середине 1930-х гг., затем вступило в период упадка, завершившийся его практически полным исчезновением после японского нападения на Перл-Харбор.

Библиография / Referencies

- Bosch A.* Miedo a la democracia. Estados Unidos ante la Segunda República y la Guerra Civil española, Barcelona: 2012.
- Cole W.S.* Senator Gerald P. Nye and American Foreign Relations, Minneapolis: The University of Minnesota Press, 1962.
- Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American foreign policy, 1932-1945. New York: Oxford University Press, 1979.
- Doenecke J.D.* Non-Interventionism of the Left: The Keep America out of the War Congress, 1938-41 // Journal of Contemporary History, volumen XII, número 2, abril de 1977. Pp. 221-236.

- Espasa A.* «Suppose They were to Do It in Mexico»: The Spanish Embargo and Its Influence on Roosevelt's Good Neighbor Policy // The International History Review, volumen XL, número 4, agosto 2018. Pp. 774-791.
- Espasa A.* Estados Unidos en la Guerra Civil Española. Madrid, Catarata, 2017.
- Gallup G., Robinson C.* American Institute of Public Opinion-Surveys, 1935-38 // The Public Opinion Quarterly. Vol. II, número 3, julio de 1938.
- Gerald Prentice Nye* // Current Biography. New York: H. W. Wilson Company, 1941. Vol. II. Pp. 618-621.
- Herring H.* And So to War. New Have: Yale University Press, 1938.
- Haglund D.G.* Latin America and the transformation of U.S. strategic thought, 1936-1940, Albuquerque: University of New Mexico Press, 1984.
- Hull C.* Our foreign relations and our foreign policy. Washington DC: United States Government Printing Office, 1936.
- Hull C.* The Memoirs of Cordell Hull. Nueva York: MacMillan, 1948. Vol. I.
- Ickes H. L.* The secret diary of Harold L. Ickes: The inside struggle, 1936-1939. New York: Simon and Schuster, 1954.
- Jona M.* Isolationism in America, 1935-1941. Ithaca: Cornell University Press, 1966.
- Leuchtenburg W.E.* Franklin D. Roosevelt and the New Deal, 1932-1940, New York: Harper & Row, 1963.
- Little D.* Antibolshevism and American Foreign Policy, 1919-1939: The Diplomacy of Self-Delusion // American Quarterly, Vol. 35, No. 4 (Autumn, 1983).
- Moradiellos E.* El refugio de Europa. Las dimensiones internacionales de la guerra civil española. Barcelona: Península, 2001.
- Norman Thomas N., Wolfe B.D.* Keep America Out of War – A program. New York: Frederick A. Stokes Company, 1939.
- Seidler M.B., T. Norman Thomas.* Respectable Rebel. Syracuse: Syracuse University Press, 1961.
- Stuhler B.* The One Man Who Voted "Nay": The Story of John T. Bernard's Quarrel with American Foreign Policy, 1937-1939 //

Minnesota History, volumen XLIII, número 3, otoño de 1972.
Pp. 82-92.

Swanberg W.A. Norman Thomas. The Last Idealist. New York: Charles Scribner's Son, 1976.

Taylor F.J. The United States and the Spanish Civil War. New York: Bookman Associates, 1956.

Tierney D. FDR and the Spanish Civil War: neutrality and commitment in the struggle that divided America. Durham; Duke University Press, 2007.

Whealey R. How Franco Financed his War – Reconsidered // Journal of Contemporary History, volumen XII, nº 1, enero de 1977.